

Раздел I

ЯЗЫК, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

Глава 1

«НАРОД НЕ УМИРАЕТ С ЯЗЫКОМ» ИЛИ «ЯЗЫК НЕ ЖИВЕТ БЕЗ НАРОДА»? Диалог ученых о конфликте вокруг родного языка

Валерий Александрович Тишков — академик, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва); valerytishkov@mail.ru

Харун Мудалифович Акбаев — зав. отделом языка, литературы и фольклора Карачаевского научно-исследовательского института (г. Черкесск); aqharun@yandex.ru

Текст написан в рамках проекта РНФ «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтничных государствах: российский и зарубежный опыт» № 15-18-00099п.

В газете «Известия» 12 сентября 2019 г. была опубликована моя краткая колонка, как водится, под названием, данным редакцией: «Народ не умирает с языком». Эту фразу можно понимать двояко: и как «язык — условие жизни народа», и как «смерть языка не означает смерть народа». В тексте мною обосновывается именно второй тезис, а под словом «народ» имеется в виду этническая общность или, как у нас часто говорят, «этнос». В этой газете уже были напечатаны мои комментарии (27 ноября 2017, 7 декабря 2017, 16 августа 2018 гг.) по поводу сложившейся в стране ситуации в области преподавания в российских школах так называемых родных языков. Спустя неделю после последней публикации я получил по почте развернутый отклик от карачаевского филолога и члена Союза писателей России Харуна Акбаева под названием «Язык не живет без народа», который в чем-то повторяет первый вышеупомянутый тезис «умер язык — умер народ». За всеми этими эмоционально нагруженными метафорами, которые можно встретить не только

в России, но и в других странах, стоит научная проблема большой общественной значимости. А именно: что есть родной язык, как язык связан с этничностью и какая должна быть политика в странах, где население говорит на разных языках. Собственно говоря, я не знаю крупных государств с моноязычным населением. Так что это проблема мирового масштаба.

Поскольку, помимо публицистических выступлений, мною на эту тему также были опубликованы научные статьи [см. напр., *Тишков* 2016, 2019], то у меня возникла идея создать научный текст в форме диалога с оппонентом, который представляет большую когорту исследователей языковых вопросов из числа представителей нерусских народов в российских республиках. Именно с этой категорией социолингвистов и общественных активистов у меня обнаруживаются наиболее серьезные разногласия. Хотя и в «центральных» научных центрах в российской социолингвистике есть ученые, стоящие на близких позициях. Так, в Институте языкознания РАН в области социолингвистики плодотворно работает коллектив под руководством А.Н. Биткеевой и В.Ю. Михальченко [*Биткеева* 2015; *Михальченко* 2016], которые в большей степени разделяют позиции моих оппонентов, чем мои собственные представления о родном языке, языковых правах и политике.

Каков контекст данного диалога? У него есть непосредственный повод: это гибель (самосожжение) российского ученого из Удмуртии Альберта Разина в знак протеста против государственной языковой политики и с целью привлечь внимание к проблеме вымирания удмуртского языка. Эта трагедия случилась в Ижевске 10 сентября 2019 г. и вызвала разные реакции: от солидарности и соболезнования до недоумения и растерянности. Как, зачем и почему нынешние довольно напряженные общественные дебаты и государственные решения, касающиеся некоторых корректив языковой политики, могут приводить к подобным эксцессам? Зная А. Разина как человека, глубоко эмоционально погруженного в дискуссии о судьбе удмуртов как общности и удмуртского языка и бескомпромиссно настроенного в этнонациональных вопросах, я решил написать этот газетный текст, обозначив свое видение проблем, которые совсем не заслуживают столь радикальной реакции, как лишение себя жизни. Этот текст вызвал много комментариев, в том числе и резких, вплоть до обращения с жалобой в прокуратуру Татарстана. Но я предпочитаю диалог обвинениям, отсюда и предлагаемая публикация.

Харун Акбаев пишет, что в моих статьях (речь идет о газетных, а не о научных публикациях) имеется ряд тезисов, по его мнению, «не столь безупречных и нейтральных». При этом оппонент выражает мне свою признательность за «чуткое внимание к проблемам языковой политики и межнациональных отношений» и выражает намерение в заочной полемике «не выходить за рамки кавказского этикета и публицистического формата». Должен сказать, что Харун Акбаев выдержал этот тон спокойного и достойного разговора, чем и вызвал мое желание продолжить обсуждение столь серьезной проблемы. Наш диалог строго следует тезисам, которые предложены моим оппонентом. Сначала приводится цитата или положение из моего газетного комментария, затем рассуждения и полемика соавтора и, в свою очередь, мои уточняющие или дополнительные рассуждения. С согласия уважаемого оппонента эта дискуссия публикуется под нашими двумя фамилиями.

В. Тишков

Тезис о родном языке

Валерий Тишков: Родной язык — это совсем не обязательно язык той или иной национальности. Родной язык — это основной язык знания и общения (как по Ожегову) [...] И моя позиция, кстати, совпадающая с ныне принятой научной точкой зрения, такова: у человека может быть два родных языка.

Харун Акбаев: Автор тезиса априори утверждает коммуникативную функцию языка как главную. Но это научно устаревшее, а в случае с национальными языками — еще и приводящее к социолингвистическому тупику упрощение сути языка. Самый цитируемый ученый современности, американский лингвист и философ, основоположник генеративной лингвистики профессор Ноам Хомский еще в конце 50-х гг. прошлого века убедительно опроверг коммуникативную причину возникновения языка. Согласно теории порождающей грамматики причиной появления языковой способности у человека является врожденный биологически обусловленный компонент, который определяет основные параметры нашего мышления.

Может ли человек иметь два и более родных языка? Однозначного ответа, как это стараются представить сторонники

структурной лингвистики, в науке также нет. Основываясь на генеративной теории все того же Хомского, можно предположить, что одновременное и равное изучение двух и более языков с самого начала формирования мышления на выходе даст некий синкретичный продукт, но отнюдь не множество аутентичных родных языков.

Например, если человека с самого младенческого возраста обучать двум типологически разным языкам (скажем, агглютинативному из числа тюркских языков и флективному русскому языку), то результатом подобного билингвизма с большой вероятностью станет тюркско-русский смешанный язык, неприемлемый как для русскоязычных, так и для тюркоязычных участников коммуникации. И здесь проблема даже не в смешении лексики — синкретизм проявляется на всех языковых уровнях, в том числе на фонетическом и грамматическом. Языковой процесс происходит на уровне мышления, и носители контактного языка в ходе коммуникации не различают системы кодов смешиваемых ими языков. Недавние исследования также показали, что мозг детей-билингвов структурно отличается от мозга детей, растущих в моноязычной среде.

Человек не есть машина, а естественные языки не тождественны машинным языкам, наш язык — это продукт творчества, мышления. В этой связи билингвизм следует воспринимать не как безобидное арифметическое сложение двух и более языков, а как сложный социолингвистический процесс, имеющий как положительные, так и негативные последствия для человека, этноса и языковой коммуникации вообще.

В.Т.: Сразу же существенное расхождение с Харуном Мудалифовичем в использовании терминов (о чем в принципе ученые могут договариваться). Мой оппонент использует распроstrаненное понимание термина «национальный язык», под которым имеется в виду «этнический язык». Однако по всем международным стандартам национальный язык в Российской Федерации — это русский язык, ибо национальный язык — это язык нации как согражданства. Там, где этот язык или языки объявлены государственными, государственный и национальный — это синонимы. В российской науке и практике последнее

понимание не является доминирующим, и моя позиция, возможно, не относится к общепринятым.

Теперь о Ноаме Хомском. Согласно его воззрениям, действительно, лежащие в основе языков грамматические принципы являются врождёнными и неизменными, а различия между языками мира он объясняет в биологических и когнитивных терминах установок мозга, откуда пошло название «генеративная лингвистика». Исходя из этой точки зрения, человек в раннем детстве выучивает слова и выражения, а также на основе ключевых примеров определяет необходимые значения параметров. Это и объясняет, почему дети легко изучают языки, ибо они используют своего рода врожденный метод освоения, который свойственен конкретному языку. Идеи Хомского оказали влияние на исследования процесса усвоения языка детьми. Но есть и другие теории, которые основываются на объяснении общих процессов обработки информации мозгом.

Например, в апреле 2013 г. в Лицее Франсэз в Нью-Йорке прошла конференция «Жизнь с двумя языками: Преимущества быть двуязычным», итогом которой стало общеразделяемое мнение, что не только сбалансированный (или полный) билингвизм, полученный от разноязыких отца и матери, но и любое двуязычие (асимметричное, субординативное), хотя и не делают человека умнее, но способствуют его развитию и расширяют его способности восприятия, принятия решений и коммуникативные возможности. Раннее полное двуязычие уже не трактуется как аномальная форма умственной деятельности, которая даже может нанести вред в освоении первого языка, а само понятие «первого» или «родного» языка ныне обрело множественное число. Мне трудно судить о некоторых деталях данной проблемы, ибо я не являюсь филологом, а тем более — нейролингвистом, но позволю себе усомниться в том, что есть некие «системы кодов языков», которые отличаются, скажем, у тюркских, славянских и финно-угорских языков в такой степени, что владение двумя столь различными языками не может быть двусторонне полноценным. В итоге могу сказать, что прошлые исследования билингвизма такими отечественными авторитетами, как Ю.Д. Дешериев, М.И. Исаев, Л.Б. Никольский и др., ныне тре-

буют обновления в ситуации, когда изменились многие аспекты языковой жизни современных людей.

Тезис о добровольной ассимиляции

В.Т.: Добровольная языковая ассимиляция (т.е. переход с этнического языка на общеупотребимый) является нормой...

Х.А.: Национальные языки создавались не по желанию древних фараонов или иных сатрапов. Верно и то, что ученые в своих лабораториях не создали ни один даже самый примитивный этнический язык. Национальные языки — это результат эволюции человеческого мышления и языковых коммуникаций на протяжении многих и многих тысячелетий. И правильно было бы полагать, что наши языки и далее будут эволюционировать. Но то, что уважаемый академик предлагает добровольно «свернуть» с этого естественного пути и назвать это нормой, никак не согласуется с научным пониманием мира...

Билингвизм, соразмерный с коммуникативной необходимостью, а также возможный переход на другой язык отдельных носителей — такая картина мне представляется более естественной и безопасной для развития национальных языков. Что касается агрессивного билингвизма с доминирующим языком, то это кратчайший путь к языковой ассимиляции, и это не может быть нормой для любого народа.

В.Т.: Происхождение языков и номенклатура нынешних языков, особенно их литературных, нормативных вариантов, не представляют собой загадки. Во-первых, так называемые национальные (в смысле — этнические) языки не имеют прямой корреляции с мировой этнической номенклатурой. Язык во многих случаях является важным отличительным признаком этнической общности, но далеко не всегда и не во всех регионах мира. Весь арабский мир пользуется фактически одним языком, но нет одного арабского «этноса». Также это касается и латиноамериканского континента, за исключением Бразилии. Возникновение мирового древа языков — это, конечно, результат тысячелетней эволюции, и на этом древе засохших и отмерших ветвей не меньше, чем ныне живущих. Однако современная картина национальных языков в их нормативной,

литературной форме — это не тайна за семью печатями, ибо ее авторство и хронология вполне установимы. Если не фараоны и сатрапы, то королевские особы, религиозные и светские просветители, ученые и собиратели во многом породили и даже дали названия нынешним языкам. «Грамматика русского языка» М.В. Ломоносова и другие «верхушечные» проекты породили нынешний российский (великорусский) русский язык, который успел сменить аж три названия. В Дагестане «язык войска» стал аварским языком. Современный французский язык — плод целенаправленной работы специально для этого созданной Французской академии. Почти каждый язык имеет свою причудливую историю, причем часто имеющую не «эволюционную», а политико-идеологическую природу. Самый новый пример — это «рождение» пяти новых языков из одного сербохорватского после распада Югославии.

Куда будут эволюционировать языки в будущем — это большая интригующая проблема. Языковые алармисты вместе с ЮНЕСКО считают, что в XXI в. вымрет (исчезнет) большинство из 5–7 тысяч нынешних языков. Исчезновение так называемых миноритарных языков (языков с малым числом носителей) идет повсеместно, и это неизбежный результат глобализации. Я придерживаюсь другой позиции. Сокращение числа языков и исчезновение некоторых из них действительно имеют место, и этот процесс имеет как добровольный, так и насильственный характер. Но массовой языковой унификации человечества и как варианта — языковой русификации русского народа не происходит. О вымирании языков коренных малочисленных народов Севера и Сибири писали ученые и путешественники еще в XVIII–XIX вв., но все эти языки сохраняются, как и языки народов Северного Кавказа, которые декларация ЮНЕСКО зачислила в число находящихся под угрозой исчезновения.

Что касается добровольной языковой ассимиляции в пользу русского языка, то, видимо, о ней мне надо было выразиться точнее как об одной из норм языкового поведения. Ибо такой же нормой является отказ от перехода с этнического, миноритарного языка на язык большинства, на государственный язык. Наиболее приемлемая и желаемая норма для нерусского на-

селения в России — это двуязычие или многоязычие во многих его вариантах с русским языком в качестве первого или второго используемого языка.

Антинормой является прямое или косвенное (структурное) насилие в сфере языковой политики. Прямого насилия (запрет на пользование языком, языковые инспекции и наказания и т.п.) в Российской Федерации не существует, но структурное насилие существует. Это действующие правовые и другие нормы, а также институциональные параметры общественно-культурной жизни, которые лишают индивида возможности реализовать свои языковые запросы и потребности, а также и права. Например, невозможность сдавать аттестационные школьные экзамены на нерусских языках есть одна из форм структурного насилия. «Централизаторы» пекутся о едином образовательном (или правовом) пространстве, но в культурно сложном обществе признанное разнообразие и есть проявление единства.

Тезис о правах языка

В.Т.: Языки должны быть равноправны, но они не могут быть равны по своему использованию, возможностям и статусу. На русском языке создана часть значимого мирового культурного наследия, как, например, произведения Льва Толстого, Антона Чехова и Федора Достоевского. Поэтому в нашей стране он всегда будет пользоваться преимуществом.

Х.А.: Данный тезис, безусловно, вне всякого научного определения, но автор статьи делает на нем значительный акцент (встречается в нескольких его статьях). Если языки в своем использовании, по своим возможностям и статусу не равны, то в чем же заключается их равноправие? Да ни в чем! Это юридическая абракадабра, прием, часто используемый политическими авантюристами. Когда подобное звучит из уст эпатажного В. Жириновского, мы это воспринимаем как заявление представителя партии левых взглядов с налетом шовинизма. Но допустимо ли подобное утверждение от представителя РАН и члена президиума Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям?

Кто скажет, что Нартский эпос, «Алпамыш», «Джангар», «Олонхо» или творчество Исмаила Гаспринского, Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова не являются частью значимого мирового культурного наследия? И тот факт, что Толстой, Чехов или еще кто-то писали на русском языке, не дает русскому языку каких-либо преимущественных оснований для юридического превосходства. Полагаю, что никто не вправе умалять законные права всех языков — как государственных, так и родных.

Если один из лучших представителей нашего общества не может представить себе равноправие даже наших языков, то, видимо, нам предлагается принять за норму также преимущество его носителей. Тогда и удивляться не стоит тому, что президент многонациональной федерации часто подменяет общественно-политический и юридический термин «российский» словом «русский»: русский солдат, русские ученые, русский путь и т.д. Уверен, что подобный этнический эгоизм является атавизмом и в современном правовом обществе не может быть нормой.

В.Т.: Равенство и равноправие — это не синонимы. Равноправие — это равенство возможностей, которые предоставляют закон и государственная политика. Это касается как отдельных личностей, так и в данном случае языков. Люди могут быть равны в своих правах, но равенство между ними невозможно, ибо один родился сильным и красивым, другой — нет, один наследовал родительские капиталы — другому достались долги и ноль имущества, один родился в благополучном городском квартале, другой — в бедном селе. Все это — аксиомы социологии. Также аксиомами социолингвистики являются представления о так называемых мировых языках (*top world languages*) и миноритарных языках. Мировой язык, или язык мирового значения, — это язык, которым пользуется значительная часть населения мира и на котором созданы культурные достижения общемирового значения. Именно в этом контексте я упоминаю имена Достоевского, Толстого, Чехова, ибо в мире трудно представить образованного человека, не знающего этих имен. Что же касается названных Х. Акбаевым выдающихся эпических произведений, таких как «Олонхо» и «Джангар», которые не относятся к русской этнокультуре, то они получили мировую известность и призна-

ние не в последнюю очередь благодаря блестящим переводам на русский язык А. Кулаковского, В. Державина, Н. Гребнева, С. Липкина и др. Точно так же и Гаспринский, и Кулиев, и Гамзатов, и многие другие деятели культуры стали известны миру именно при посредстве русского языка, что очередной раз подтверждает его мировой статус.

Только шесть мировых языков имеют статус официальных языков ООН, среди которых и русский язык, хотя число его носителей в мире уступает говорящим на языке хинди или индонезийском языке. Естественно, что язык такого статуса и возможностей при правовом равноправии имеет преимущества перед языками с малым числом носителей. К тому же русский язык имеет и важное правовое преимущество: он является национальным (государственным) языком Российской Федерации.

Мой соавтор справедливо отметил как «этнический эгоизм» употребление слова «русский» в качестве замены слову «российский». Согласен, что это можно назвать атавизмом или, скорее, инерцией словоупотребления, но у этой инерции есть некоторые сугубо лингвистические причины. Дело в том, что на протяжении длительной истории (вплоть до переписи населения 1926 г.) слово «русский» не имело узко этнического смысла: русскими называли всех православных — по меньшей мере, всех восточных славян (великороссов, малороссов, белорусов). Смысловая дистанция между словами «русский» и «российский» была незначительной, вплоть до того, что в иностранных языках эти два понятия обозначались одним словом *Russian*, и под ним имелось в виду, прежде всего, «российский», т.е. производное от названия страны. Однако часто при обратном переводе *Russian ballet* становился «русским балетом» и т.д. После того как российский язык стал называться великорусским, а затем — русским языком, все, что связано со словесностью, также точнее было именовать по названию языка. Отсюда «русская литература», хотя ее творцами были и могут быть люди разной этнической принадлежности. Так что языковой ригоризм здесь не очень уместен, хотя лично я выступаю за слово «российский» там, где речь идет о стране, ее народе, истории, науке и культуре.

Тезис о государственном языке

В.Т.: В современных странах государственный язык — одна из основ для социальной, экономической, культурной и политической интеграции гражданских наций. Чтобы сограждане могли общаться между собой, понимать государственные законы и инструкции (в том числе технические регламенты и военные приказы), должен быть язык, понятный всем. <...> Переход на государственный язык — естественный процесс.

Х.А.: Статус государственного языка достаточно регламентирован Конституцией и Законом «О государственном языке РФ», и примечательно то, что в первой же статье ФЗ говорится, что «обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна трактоваться как отрицание или умаление прав на пользование государственными языками республик». И то, что граждане не могут полноценно реализовать свои права, естественно, не может быть воспринято как норма. Ибо *lex est lex*, и мы должны научиться уважать свои же законы, научиться исполнять их, даже тогда, когда это не соответствует нашим политическим взглядам и прочим амбициям.

Согласно Комментариям законодателя, государственный язык призван (помимо коммуникативных функций) консолидировать население страны. И надо полагать, что «консолидировать» вовсе не означает «переход» на другой язык, даже если это государственный. Авторы Конституции, предвосхищая возможные извращения и толкования, в той же статье пишут о гарантиях всем народам страны прав на сохранение родного языка. В этой связи у меня возникает резонный вопрос: как этот переход может гарантировать сохранность национальных языков?

К сожалению, вокруг государственного языка мы видим много спекуляций. Дело доходит до его полного отождествления с русским национальным языком при непонимании (или неприятии) того, что это технический язык для формальных коммуникаций. Для овладения государственным языком нет нужды изучать русский национальный язык в том объеме, который предписывает действующий ФГОС — он крайне избыточен. А инвариантное изучение такого мировоззренческого предмета, как «Русская литература», всеми учениками, в том чис-

ле и нерусскими, и вовсе не имеет отношения к овладению государственным языком. Возможно, мы наблюдаем несовершенство системы образования. Тогда давайте уберем все лишнее и добавим, например, предметы типа «Литература народов России», «История народов России», «Культура народов России» и т.д.

В.Т.: Опять начнем с терминологических расхождений. Уважаемый оппонент использует непонятный мне термин «русский национальный язык» как нечто отличное от русского государственного языка. Догадываюсь, что под первым имеется в виду «русский как родной язык» (появился даже в правовых текстах и в школьных программах). При этом надо понимать, что это национальный (или родной) язык людей русской этнической принадлежности. Это общераспространенное заблуждение, против которого я выступаю по ряду причин. Во-первых, как я уже объяснил, термин «русский национальный язык» — это национальный язык Российской Федерации. Его совпадение с этническим языком русских обусловлено историей нашего государства и демографической ситуацией (русские — самая большая группа населения до 1917 г., половина населения в СССР и подавляющее большинство после 1991 г.). В некоторых так называемых двухобщинных государствах часто два языка являются национальными (государственными). Если в России термин «национальный язык» повсеместно, включая научные тексты, трактуется как «этнический язык» или «язык национальности», то я лично не настаиваю на изменении данной языковой категоризации. Пусть это будет нашей российской спецификой.

Но есть еще второй момент смыслового расхождения с оппонентом. Харун Мудалифович считает вместе со многими в нашей стране, что национальный (этнический) язык и родной язык для представителя соответствующей национальности — это данность или желательная норма. Однако это не так, ибо добрая половина (если не больше) нерусского населения современной России имеют в качестве первого (материнского) языка не язык своей национальности, а русский язык. Этот выбор сделали их родители или еще более дальние предки. Для этой части населения русский язык является не «техническим языком для формальных

коммуникаций», а их основным, а зачастую — единственным языком, который они знают и которым пользуются. Винить предков живущих сегодня мордвы, марийцев, карел, бурят, калмыков, не говоря уже о евреях, украинцах, белорусах и многих других в том, что они совершили тот самый «языковой переход» (добровольно или насильственно — это другой вопрос), было бы крайне неразумно и даже неуважительно. Что было, то было. Послереволюционная Франция в XIX в. так нещадно истребляла другие языки и диалекты, кроме языка Иль-де-Франс, взятого за литературную основу, что недовольств и поныне много, но отыграть ситуацию назад — это значит совершить новые несправедливости и насилие ради достаточно умозрительной нормы: «каждый должен говорить на языке своего народа».

Из этого не вытекает, что язык большинства или государственный язык — это демиург на все времена, который подчиняет и поглощает все другие языки. Во-первых, в праве и в языковой политике имеются такие важные категории, как «региональные языки» и «языки меньшинств», которые во многих странах также получают официальный или государственный статус на той или иной отдельной территории. Есть Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств, которая устанавливает международные стандарты и некоторые контрольные механизмы для обеспечения выполнения данной хартии теми странами, которые ее подписали и ратифицировали. Есть национальные законы и программы по развитию и сохранению языков и обеспечению языковых прав граждан. Подчеркиваю: граждан, а не этносов! И здесь некоторые отечественные практики еще нуждаются в ревизии.

В чем отличие европейского подхода в вопросах о языке и языковой политике от российского? В Европе, за исключением региона бывшего влияния СССР, нет жесткой связи языка и этнической общности, и основным бенефициарием языкового законодательства и политики признается не «народ с его языком», а «языковые сообщества». Есть понятие региона преимущественного или массового распространения того или иного языка. Исходя из этого и устанавливаются нормы регионального и общегосударственного действия, которые могут быть даже

жестче, чем российские. Например, каталанский и баскские языки преподаются в обязательном порядке на всей территории соответствующих провинций Испании, а немецкоязычные жители итальянского Южного Тироля имеют право на судебное разбирательство на немецком языке во всех инстанциях вплоть до Верховного суда страны. Это именно языковые права отдельных граждан и территориальных (региональных) сообществ, которые отвоеваны в политической борьбе, в результате общественной мобилизации и научных экспертиз. Таким образом, сами по себе языки признаются значимыми, охраняемыми и поддерживаемыми государством и региональными сообществами культурными системами. Что-то похожее в смысле крена в сторону самоценности языковых систем может быть полезно и для России. «Народы России» от этого ничего не проиграют, многие россияне смогут избавиться от ложного чувства ущербности своей национальной принадлежности (идентичности), а вот сами языки непременно от такого подхода выиграют. Это совсем не призыв к изменению конституционных основ, включая наличие 37 языков со статусом государственных на уровне российских республик.

Что касается названия и содержания некоторых учебных предметов, то я здесь согласен с предложением о более гибком и вариативном подходе к преподаванию литературы и истории. Или же нужно делать более инклюзивными содержание самих этих предметов, если они должны быть стандартными для всей страны. Мне трудно понять логику «унификаторов» от образования: почему для школьников Сибири не сделать учебник по истории, отличный от варианта учебника для региона Северного Кавказа или российского Севера. Это же касается и литературного репертуара. Но вот с чем мне трудно согласиться с моим соавтором, так это с возвратом к тривиальным «истории *народов* России» или «литературе *народов* России». Воспитание молодого поколения россиян в этой парадигме я не считаю полезным и перспективным. Более перспективным считаю подход «от дружбы народов к дружному народу», этнокультурное многообразие которого нужно знать и уважать. Иначе сегодня дружим, а завтра — раздружимся.

Тезис о двуязычии

В.Т.: Русско-национальное двуязычие — это хорошо, и это желательная норма для современного россиянина нерусской этнической принадлежности.

Х.А.: Учитывая исторически сложившуюся многонациональность нашей страны, нет необходимости убеждать в значимости русского языка. При этом в системе полилингвального образования приоритетность русского языка даже не обсуждается. Но, как известно, для любого народа никакой язык, кроме родного, не может быть приоритетным.

В этой связи меня смущает то, что автор тезиса говорит о русско-национальном двуязычии, тогда как для сохранения и развития этнических языков и овладения государственным языком РФ было бы правильно реализовывать идею национально-русского билингвизма. Дело в том, что, говоря «русско-национальное двуязычие», ни уважаемый автор, ни государство в лице системы образования вовсе не подразумевают овладение гражданами русской принадлежности каким-либо иным национальным языком, но каждый раз предлагается изучение русского языка представителями нерусской принадлежности. Это именно тот случай, когда от перемены мест слагаемых смысл меняется, и это далеко не банальная синтаксическая ошибка. Подобная подмена понятий в итоге приводит к очень серьезным последствиям...

Один из ведущих специалистов в области социолингвистики профессор Теймураз Камболов отмечает, что «осетинский язык находится на пути планомерного и стабильного угасания», и что есть опасность «полного его выхода из употребления». И это в республике, где только два государственных языка, где, казалось бы, существует бесконфликтная, почти идеальная языковая ситуация для полилингвального образования. Что говорить тогда о многонациональном Дагестане?

Анализ современного состояния карачаево-балкарского языка говорит не только об угасании литературного языка, но и о трансформации разговорной речи. У современных носителей

заметно нарушена звуковая организация речи: почти весь фонологический корпус под влиянием русского языка стал более переднеязычным. Как следствие этого, изменения произошли и в тоническом строе, и в мелодике языка.

Особая протекция русскому языку не принесла больших дивидендов, а для национальных языков их второстепенное положение более чем опасно. В этой связи нам представляется возможным корректировать современные цели и задачи национально-русского двуязычия.

Во-первых, билингвизм не должен быть инструментом ассимиляции национальных языков: все без исключения двуязычные программы должны быть лингвоэкологически, лингвосociологически, лингвокультурно и юридически мотивированы.

Во-вторых, следует провести разграничение между государственным русским языком и русским национальным языком — у них абсолютно разные цели и задачи, и они не тождественны.

В-третьих, в системе образования обучение государственному русскому языку может и должно быть инвариантным, объем и глубина изучения должны определяться стандартами владения государственным языком. При этом русский национальный язык (как и все национальные языки) должен изучаться в рамках предмета «Родной язык».

В.Т.: Если я употребил термин «русско-национальное двуязычие» вместо принятого «национально-русское», то не вкладывал в это особого смысла. Я вообще считаю данную категорию уязвимой в любой последовательности слов из-за другого понимания термина «национальный язык». Предложить что-то взамен не могу. Вместо этого отсылаю к обширным разработкам российских и зарубежных социолингвистов по разным типам двуязычия (многоязычия). Предмет «Родной язык» в школе нужен, но не так, чтобы для русских — это русский, для татар — татарский, для мордвина — мокшанский или эрзянский. Большинство российских татар и мордвы живет за пределами «своих» республик, не говорит и даже не знает языка «своей» национальности. Или мы признаем возможность несовпадения родного языка с национальностью (эта возможность записывается в качестве подсказки переписчикам со времен переписи населения 1926 г.,

когда появился вопрос о национальности), или мы начинаем осуществлять массовое насилие над очень большой частью населения, чье языковое поведение не укладывается в старые научные прописи.

Теперь об опасности ослабления позиций нерусских языков в России. Такая опасность была, есть и будет по указанным мною и соавтором причинам. Мой оппонент отмечает угасание литературного карачаево-балкарского языка и трансформацию разговорной речи под воздействием русского языка. Эти два явления относятся к категории обычных и даже приемлемых. Литературный язык — это для младописьменного языка, каким является карачаево-балкарский, совсем недавнее обретение, результат советской национальной политики. Угасание литературного языка отмечают и русисты, и специалисты по другим языкам. Сегодня все языки переживают нивелирующее воздействие глобальных культурно-информационных процессов, на них активно влияют Интернет и новые технологии, а также меняющиеся стиль мышления и речевые практики современных людей, особенно молодого поколения. В более глубокой исторической перспективе можно наверняка обнаружить как утраты, так и обретения карачаево-балкарского языка в результате языковых контактов, доминирующей языковой среды на той или иной стадии исторического развития. Известно, что довольно значительное число карачаевцев и балкарцев проживает в других странах, особенно в Турции. Там влияние османского (турецкого) языка было гораздо более сильным, а местная языковая политика вообще привела к поголовному исчезновению носителей карачаево-балкарского языка.

Насколько можно судить по данным переписи населения России 2010 г. и микропереписи 2015 г., российские карачаевцы и балкарцы почти полностью двуязычны, т.е. более 90% из них знают этнический и русский языки, а в целом в Карачаево-Черкесской Республике 96% населения используют русский язык в повседневной жизни [Тишков, Степанов 2019: 31]. Однако пользование этническим языком уступает русскому языку, за исключением, возможно, сферы домашнего общения. Это так называемый асимметричный билингвизм, при котором русский

язык с его явными преференциями выигрывает. Согласен, что эти преференции не принесли русскому языку особых выгод, но стали ли они опасными для этнических языков? Ответить на этот вопрос довольно трудно. Во-первых, выгоды от использования русского языка получили, прежде всего, этнические общности Карачаево-Черкесской Республики: все четыре государственных языка республики (карачаево-балкарский, абазинский, ногоайский, черкесский) здесь сохраняются, но только государственный русский язык может быть языком межобщинной коммуникации. Этот же язык выступает ретранслятором карачаевской культуры на общероссийский и международный уровень, а очень многие представители карачаевского и других народов именно с помощью русского языка обеспечивают себе жизненное преуспевание. Хотя можно вполне благополучно прожить жизнь только в моноязычной карачаево-балкарской среде. Но такой выбор делают очень немногие.

Тезис о нерусском моноязычии

В.Т.: Нерусское моноязычие (знание только языка своей национальности) — это плохо для россиянина...

Х.А.: Трудно не согласиться с данным тезисом Валерия Александровича. Но еще труднее смириться с нынешней государственной языковой политикой, которая реализуется по принципу бритвы Оккама, отсекая возможности для развития этнических языков, кроме русского. Сегодня в России русским языком владеют 99,4% населения. И в то же время «на бурятском говорит менее половины бурят, на калмыцком — менее половины калмыков, на карельском — 40% карел, или даже меньше» (данные приведены из статьи самого В.А. Тишкова). У более малочисленных народов ситуация и того хуже.

В этой связи задаешься вопросом: а не пора ли государству обратить внимание на вышеуказанный дисбаланс? Я не верю тому, что из многообразия этнических языков государству и науке нужен только один язык.

В.Т.: Здесь нечего комментировать, полностью согласен с моим оппонентом.

Тезис о языке диаспоры

В.Т.: Дети Солженицына выросли в Вермонте и почти забыли русский. Потому что при миграции этнический язык можно сохранить не больше, чем в одном-двух поколениях — его трудно поддерживать в узкой среде.

Х.А.: Уважаемый академик, безусловно, прав в том, что язык трудно сохранить в узкой среде. При этом мы знаем, что потомки кавказских мухаджиров вот уже в течение 5–6 поколений стараются сохранить свои национальные языки в относительно удовлетворительном состоянии. Но я бы хотел обратить внимание на тот факт, что эта самая узость языковой среды равно ограничивает любые языки.

Например, народы России — не дети Солженицына, и они не эмигранты, но угроза языковой ассимиляции грозит им у себя на родине. И эта проблема в значительной степени появилась не в связи с несостоятельностью самих языков, и даже не в связи с миноритарностью некоторой их части — проблему породили системные ошибки в государственной языковой политике. И пока не поздно, нам всем (и государству, и обществу, и человеку) следует изменить отношение к нашим живым еще национальным языкам. Возрождение угасшего языка — дело трудное, материально затратное и не всегда успешное.

В.Т.: Были ли системные ошибки в государственной языковой политике в нашей стране? Трудно назвать таковые, кроме волюнтаристских решений в раннесоветский период о переводе языков с одной графики на другую в короткий период времени, а также верноподданническое увлечение некоторых республиканских властей в 1960–1970-е гг. распространением русского языка в сфере образования и бюрократии. А вот ошибки и даже преступления в государственной национальной политике, как, например, насильственные депортации целых этнических групп, приводили к серьезным утратам, в том числе языка, не говоря уже о физических страданиях людей и социально-образовательных ограничениях.

Конечно, далеко не все благополучно и ныне. Недавний конфликт вокруг вопроса о преподавании родных языков выявил много нерешенных проблем и в целом тревожную ситуацию

с миноритарными языками. Конечно, есть группа сильных языков, обеспеченных статусом, демографическим потенциалом носителей, культурными, научными и информационными ресурсами, а также позитивным общественным настроением. Достаточно назвать татарский, чеченский, аварский, даргинский, якутский и еще добрый десяток нерусских языков. Но есть и языки, теряющие свои ресурсы и позиции. На мой взгляд, сохранение и даже возрождение (ревитализация) языков — дело важное и возможное. Согласен с соавтором, что это трудное, материально затратное и не всегда успешное занятие. Но я был личным свидетелем, как с помощью властей, деятелей науки и культуры, этнических лидеров за пару десятилетий этнические языки вернулись почти из небытия среди гавайцев, уэльсцев, канадских индейцев и эскимосов. Образованные и позитивно настроенные россияне вполне могут решить такие проблемы.

Заключительный комментарий

Х.А.: Возможно, я ошибаюсь в некоторых своих выводах, также полагаю, что был излишне эмоционален, но это лучше, чем замалчивать проблемы сохранения языков. В заключение хочется привести мудрые слова самого В.А. Тишкова: «Языковые различия вместе с другими различиями (расовыми, религиозными, духовно-ценностными и т.д.) помогают сохранять идентичность и обеспечивать связь и солидарность носителей одинаковой идентичности. Но если есть угроза языку со стороны насильственных ассимиляторов или со стороны политиков, то возникает желание не только защитить язык, но и противодействовать разрушительной языковой политике, запрету языка или ограничению его изучения и использования».

В.Т.: Как бы не было сложно отойти от эмоционального настроения в вопросах о языке, я бы в заключение призвал к реализму в оценке языковой ситуации в России. Совсем недавно стали известны итоги микропереписи населения 2015 г., согласно которым русским владеют 99,4% россиян, родным языком его назвали 86%, используют в повседневной жизни 97,4% [Тишков, Степанов 2019: 30]. Благодаря преимущественно добровольному выбору население нашей страны использует русский язык

в большей степени, чем язык, соответствующий этнической принадлежности гражданина, ибо большинство нерусского населения владеет русским языком не в меньшей, а зачастую в большей степени, чем своим этническим. Для многих из них русский язык является вторым или первым родным языком.

Очевидно, что представление о том, что у человека может быть только один родной язык, совпадающий с «этническим» языком, не отражает современную языковую ситуацию в России. Признание права на родное двуязычие, за которое мы выступаем, снимет напряжение и чувство неловкости, которое испытывают многие россияне, когда им приходится выбирать между родными для них языками отца и матери или просто между двумя в равной мере родными для них языками. Сегодня русский язык — это язык гражданской российской нации. Отрицать и не поддерживать языковое единство российского народа бессмысленно и неразумно.

Библиография

1. *Биткеева А.Н.* (ред.) Языковая политика в контексте современных языковых процессов. — М.: Азбуковник, 2015.
2. *Михальченко В.Ю.* (гл. ред.) Язык и общество. Энциклопедия. — М.: Азбуковник, 2016.
3. *Тишков В.А.* Языки нации // Вестник Российской академии наук. — 2016. — Т. 86. — № 4. — С. 291–303.
4. *Тишков В.А.* Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. — 2019. — Т. 10. — № 24. — С. 127–144.
5. *Тишков В.А., Степанов В.В.* Русский язык — язык гражданской нации // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая статистика / ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. — М.: ИЭА РАН, 2019. — С. 21–32.